

Жизнь графа Каспара Штернберга, описанная им самим (Продолжение)¹

К.М. фон Штернберг

1833

Свой 73 день рождения я пережил совершенно тихо в моей Бржезине. В прошедшем году я понес тяжелую утрату из-за смерти графа де Бре, который скончался в своем загородном имении в Ирлбахе. Сорок лет состояли мы в научной переписке, вместе провели немало приятных часов и делили друг с другом *fata utriusque fortunae*², которая в наше беспокойное время столь часто менялась. *Sib sibi terra levis!*³ Самая печальная участь старости в том, что в конце жизни человек становится одиноким среди поколения, которое не знало нашего более раннего времени, не может разделить наши воспоминания!

Граф де Бре, как и ранее, взял на себя перевод 5-й тетради «Флоры Древнего мира», но не смог его закончить; рукопись пришла обратно. Тем временем в этой области знаний появилось много нового, предшествующее же нуждалось в переработке. Немецкое издание было напечатано в Праге; 5-я и 6-я тетради с 26 гравированными на меди таблицами, большей частью с фукоидами и каламитами, вышли к пасхальной мессе; они содержали также ревизию трудов, появившихся до сих пор по этому предмету. Растения представлены в принятой в ботанике форме по семействам, родам и видам: однако все это является лишь опытами, которые еще подвергнутся некоторым изменениям, но лишь когда мы будем располагать более многочисленными и лучшими экземплярами.

Формированию этой ветви науки сильно препятствует то, что коллекции дороги и достаются с трудом; не располагающие средствами ботани-

ки вряд ли могут осмелиться на это. Тысяча высушенных, даже весьма редких, растений стоит не больше, чем большой хорошо сохранившийся отпечаток: кто хочет получить таковые, нуждается в труде многих людей; в то время как ботаник вытаскивает сотню растений с корнями и несет в своем футляре домой, здесь понадобится ящик или много людей, чтобы донести камни до дому. И небольшие обломки редко дают достаточное представление. Если хочется достать образцы из удаленной местности, то перевозка их стоит невероятных денег. Другие ботаники с репутацией воздерживаются от амбиций смело определять, если еще нет возможности выносить суждение с желательным спокойствием. Я же осмелился на последнее и думаю, что когда против меня поднимут камни те, кто никогда не ошибался при определении природных образований, то тело мое останется вполне невредимым. Ведь я могу достать для себя многое и в лучших экземплярах, чем другие, поскольку способен больше потратить на это.

В мае месяце я предпринял поездку по экономическим делам через Вену в Альтенбург в Венгрии, во владения Его Императорского Высочества эрцгерцога Карла, чей главный чиновник (называемый в Венгрии регентом) ввел совершенно замечательное плодосменное хозяйство. Сообщение об этой поездке было подано в Труды Императорского королевского экономического общества в Богемии.

В июле я, как обычно, пребывал в Карлсбаде, где меня посетил барон Леопольд фон Бух. Оттуда я предпринял небольшую поездку через Лейтмерицкий округ из любви к окаменевшим моллюскам и рыбам, но без особого успеха.

Поскольку Его Величество Император и Императрица осчастливили Прагу и Богемию своим посещением, я вернулся назад в Прагу и находился там до высочайшего отбытия. Это посещение было вдвойне радостным, поскольку очень ясно показало, что народ наш умеет ценить

¹ Начало см. в: *Lethaea rossica*. – Т. 7. – С. 59–63; Т. 8. – С. 53–61; Т. 9. – С. 68–78; Т. 10. – С. 74–84; Т. 12. – С. 113–125; Т. 13. – С. 104–111; Т. 14. – С. 140–151; Т. 15. – С. 113–125; Т. 16. – С. 83–92; Т. 17. – С. 113–121.

² Все превратности судьбы (*лат.*).

³ Пусть земля тебе будет пухом! (*лат.*).

благословенный мир, спокойную жизнь на своем винограднике и под своей смоковницей. Прибытие императорской четы было прекрасной триумфальной процессией, сопровождаемой 20 000 человек, которые без воинской дисциплины и полицейского участия сами выступали в роли естественной полиции благонамеренных людей. И, постоянно сопровождая медленно продвигающуюся карету, забегая вперед или догоняя ее, нигде не вызвали препятствий и так прибыли на замковую площадь, построились, а затем, когда Их Величества вышли на балкон для выражения благодарности, прокричали виват и снова спокойно разошлись.

Теперь у меня оставалось лишь немного времени, чтобы осмотреться в Бржезине и выехать в Бреслау на Собрание естествоиспытателей. Восемь дней этого собрания пролетели быстро: среди многих старых знакомых я нашел здесь Александра фон Гумбольдта и Роберта Броуна⁴. Заслуживают особого внимания зоологическая коллекция и коллекция по сравнительной анатомии под присмотром медицинского советника Отто.

Поскольку в предпоследний день установилась ясная погода, была предложена небольшая поездка на курорты и каменноугольные шахты; секретарь общества медицинский советник Отто встал во главе, и в первый день за ним последовали более 30 естествоиспытателей. Мы разбили свою главную квартиру на Зальцбруннском курорте, где нас весьма дружески приняли и обслуживали местный курортный врач Цемплин и многие служащие из Вальденбурга с их женами. На следующее утро мы поплыли в судоходные Лисии штольни у Альтвассера на подготовленных судах с музыкой вплоть до одного вырытого в угле весьма изящного грота, где вышли и были встречены обильным вторым завтраком.

Отсутствие чистого воздуха («погоды» на языке горняков) не позволило нам оставаться долго. Мы осмотрели Альтвассер, тамошнее техническое бюро и торговлю натуралиями г-на Фивега, которые располагали кое-чем интересным из конхилий, растительными окаменелостями и отпечатками и т.д., затем каменноугольную формацию с сопровождающими ее породами, которые днем очень хорошо видны, и поехали к живописно расположенному замку барона фон Хохберга, Райхенштайну, где вместе отобедали

⁴ Роберт Броун (1773–1858) – знаменитый шотландский ботаник, первооткрыватель так называемого «броуновского движения» (Ред.).

Роберт Броун

на постоялом дворе и провели всю вторую половину дня в самых очаровательных прогулках. В руинах мы встретили общество и оставались там до тех пор, пока полная луна освещала теснину, а затем вернулись в нашу главную квартиру.

На третий день мы отправились уже немного поредевшим обществом в Вальденбург, чтобы осмотреть коллекции отпечатков растений горного департамента и маркшейдера Бокша. Здесь я оказался в своей стихии и увидел кое-что новое или экземпляры лучше тех, которые знал до сих пор. В связи с этим возник острый спор по поводу моей «Флоры Древнего мира», который оказался полезным обеим сторонам.

Во второй половине дня мы поехали в Шарлоттенбрунн: общество отправилось еще дальше, чтобы осмотреть красивую местность, а я остался у тамошнего аптекаря, который еще в Бреслау пригласил меня осмотреть его коллекцию; и здесь я обнаружил кое-что редкое, и со мной благосклонно поделились некоторыми понравившимися мне экземплярами.

В Вальденбурге мы простились с семейством главного горного инспектора, который выказал нам так много дружбы, и вернулись назад на нашу главную квартиру.

На четвертое утро общество разошлось в разные стороны; остались лишь медицинский со-

Адерсбахские горы, середина XIX века

ветник Отто, профессор Агассис⁵ из Невшателя, надворный советник Герман с сыном из Магдебурга, хранитель Циппе и я. Мы простились с отважным курортным врачом в Зальцбрунне и предприняли вылазку в романтические горы у Адерсбаха в Богемии. Великолепный день сделал эту экскурсию чрезвычайно приятной, как и нашу обратную поездку в Ландсхут.

Здесь и я отделился от общества, которое хотело на следующее утро подняться на уже знакомую мне заснеженную вершину и спуститься к Вармбрунну, в то время как я отправился назад в Прагу через Траутенау и Йичин. Это путешествие через силезские порфиры, которые вместе с красным песчаником простираются в Богемии, в песчаные и базальтовые образования вокруг Йичина, является исключительно интересным.

Профессор Агассис находился в Праге восемь дней и в это время определял окаменевших рыб из Музея – любезный, остроумный молодой человек, который еще многое сможет.

В Праге меня ожидали разные дела, среди которых дело о железной дороге из Праги в Пльзень не располагало к радости. Мы начали строительство в 1828 году, когда суверены повсюду уменьшили проценты с капитала и были намерены вернуть деньги от игры на бирже во внутреннее обращение. Мы не сомневались ни секунды, что 1 200 акций, которые были нам необходимы, будут легко размещены. Июльская революция 1830 года обернула все по-иному: не разошлась половина акций, почему и половина железной дороги не была закончена. Денежные вложения нашли другие, быстрее и лучше ведущие к цели пути; различные трудности, которые появились в самом строительстве, ослабили участие; вся идея реализации задуманного была одновременно скомпрометирована, любые предложения, как его продолжить, отсутствовали. Состоялось общее собрание, и были сделаны предложения о новом привлечении средств, от которых я, однако, ожидаю немногого. Из-за всех этих дел я задержался в Праге до 20 ноября.

Я оставил для себя кое-что, для чего целый год не находил времени: среди прочего продолжение моих уже многократных попыток довести

⁵ Жан Луи Родольф Агассис (1807–1873) – знаменитый швейцарский естествоиспытатель, ученик и последователь Ж. Кювье (*Ред.*).

наш сухой сланцевый уголь до коксования. Однако неистовая погода совершенно не позволяла покинуть дом. Поэтому я обратился к редактированию истории богемских шахт и горного законодательства, для чего уже собрал кипу актов; однако во время работы выяснилось, что акты шахт слишком неудовлетворительны, чтобы создать что-то цельное; история законодательства, однако, должна предложить что-то новое и ценное.

С того дня я организовал также изрядные вскрышные работы, чтобы заполучить красивые экземпляры отпечатков растений, и добрался до слоя, где они находятся, когда наступили ужасные декабрьские бури и ливни, которые сорвали мне крыши, повалили лес и перенесли меня от деревьев Древнего мира к деревьям мира нынешнего. Тогда я возвел крышу над моими сокровищами, чтобы попытаться счастье весной.

1834

Мой 74-й день рождения я провел, как обычно, дома один, вспоминая долгий путь, который уже прошел, и признавая с благодарностью, что еще могу в этом солидном возрасте, готовый телесно и духовно, продолжать мой привычный образ жизни. Зима прошла, как обычно, в Праге, и после общего собрания Музея, где я, как всегда, прочитал полные радости доклады об увеличении коллекций и о научном прогрессе учреждения, снова посетил Бржезину.

Все мероприятия по строительству крыши на угольной шахте не достигли желаемой цели: зимняя влажность, несмотря на крышу из досок, размочила сланец, и последовавший мороз разорвал его; я не смог получить ни одного хорошего экземпляра.

Добродетельная природа, однако, не оставляет своих преданных служителей: то, чего я искал, я не смог достичь, а там, где я не ожидал, я был богато вознагражден. В одной каменоломне рядом с угольной шахтой XVI века, где я часто безуспешно копался, совершенно неожиданно обнажились четыре прямо стоящих ископаемых дерева. Я случайно ехал мимо, слез с лошади и был радостно удивлен их видом. Когда же я принимал меры, чтобы достать их, я обследовал также соседние горные породы, и показался напоминающий миндаль плод, под которым, казалось, скрыто еще что-то, что я не мог расшифровать. Я принес этот образец домой и попытался при помощи долота обнажить скрытую часть:

Жан Луи Родольф Агассис

и смотри-ка! К моему большому удивлению является окаменелость из мира животных, которую в порфиловом угле мы еще никогда не видели: краб это, скорпион или ни то, ни другое – пусть решает собрание естествоиспытателей.

Два ствола были счастливо извлечены и достались Музею. После этого счастливого события я в хорошем настроении посетил Карлсбад, чтобы завоевать для себя еще один год жизни, а также чтобы продвинуть мою историю шахт, которая доставляет мне гораздо больше трудностей, чем я ожидал.

После моего возвращения из Карлсбада я лишь на короткое время задержался в Бржезине, чтобы предпринять более дальнюю поездку. А именно: поскольку Собрание естествоиспытателей вело меня в Штутгарт, я решил пройти пешком Южную Германию с геогностическими целями и ближе познакомиться с окаменелыми растениями формации кейперского песчаника; пользуясь этим случаем, я также хотел снова увидеть моих старых друзей и знакомых.

13-го августа я оставил Бржезину и отправился в Эгер, чтобы еще раз повторить предпринятую много лет назад попытку решить спорный вопрос, является ли холм Каммербюль у Франценсбада действительным или псевдовулканом. В своих сохранившихся трудах Гёте высказал надежду, что я это сделаю; Берцелиус призывал меня к этому неоднократно: поэтому я поехал туда уже из Карлсбада с графом Йозефом Брейнером и губернским советником Алоизом Майе-

ром, чтобы выбрать место, где должна была пройти шахта. Работа началась, и я последовал своим путем в Регенсбург, где порадовался старым знакомым и многим еще более старым воспоминаниям.

По этому случаю я посетил также строительство «Вальхаллы» рядом с Донауштауфом, действительно гигантское предприятие нынешнего короля Баварии. Никто еще не в состоянии судить о целом, но все же из уже выполненного видно, что возвышенная идея короля прекрасно осуществляется с искусством, которое по справедливости едва ли можно было ожидать. Я буду чрезвычайно рад, если смогу дожить до торжественного открытия этого храма.

Из Регенсбурга я заторопился в Гейдельберг, чтобы увидеться с моей старой подругой, госпожой фон Лёв, урожденной Диде, перед тем как она уедет к своей дочери в Хольштайн. В этой вдохновенной местности, которая приглашает на интересные экскурсии, прошли спокойно и приятно десять дней прекрасного лета нынешнего года, велись поучительные беседы с профессором кавалером фон Леонгардом⁶ и другими старыми знакомыми, был посещен Шветцингенский парк и богатый гербарий г-на Цейгера.

Как только г-жа фон Лёв уехала, я начал свое странствие. В Зинсхайме, где начинается кейперская формация, моим проводником был известный исследователь древностей пастор Вильгельми⁷. В компании пастора и тамошнего общества я имел возможность осмотреть окаменелости и отпечатки растений. В каменоломнях они присутствовали в еще большем количестве, так что я, поддержанный либеральностью достойного пастора, смог даже взять в свою карету прекрасный ящик с образцами. Я поехал вслед за этой формацией в Хайльбронн, где она сильно расширяется, но менее богата отпечатками; затем она продолжается до Штутгарта, где содержит очень много отпечатков.

В Штутгарте я обнаружил описание вновь открытой горной пещеры в юрском известняке вблизи Эрперсдорфа, между Ройтлингеном и Урахом; я поспешил туда, чтобы исследовать их поближе. Путь из Ройтлингена через Лихтенштейн вверх в Альпы крутой и трудный, но стоит того из-за очень красивого вида на замок Лихтенштейн и Туманную пещеру.

⁶ Карл Цезарь фон Леонгард (1779–1862) – немецкий минералог и геолог (Ред.).

⁷ Иоганн Давид Карл Вильгельми (1786–1857) – немецкий евангелический пастор и археолог (Ред.).

Карл Цезарь фон Леонгард

Пещера у Эрперсдорфа должна была быть известной, пожалуй, еще в XVI веке, поскольку гора, в которой она находится, называется Пещер-

Иоганн Давид Карл Вильгельми

ной скалой в самой древней поземельной книге деревни, куда она относится. В более поздние времена войн она, возможно, служила убежищем для разбойников и потому была закрыта; дыра, через которую в этом году проникли, была завалена тремя большими камнями. Сталактитовые украшения этой довольно длинной, но не очень широкой пещеры имеют особенно живописные формы, прекраснее которых, кроме Адельсбергской пещеры, я не видел нигде. У стен с обеих сторон на полу лежат бесчисленные черепа и кости пещерных медведей; дальше под клинообразным отверстием груды мусора с человеческими костями, черепами и обломками римских урн, которые, по-видимому, были впервые заброшены туда в более позднее время. Пещера принадлежит деревне и сдается в аренду двум членам коммуны, которые мало что могут сделать, чтобы исследовать ее дальше.

Поскольку у меня еще оставалось время до Собрания, я поехал из Ройтлингена в Донцдорф к моему старому другу графу Рехбергу и его семье, где провел восемь дней и копался в юрской формации. Встали картины прошлого, и постаревшие мальчики радовались воспоминаниям, что тоже когда-то были молодыми. Наконец приблизился срок Собрания, и я подался в Штутгарт.

Были приняты меры, чтобы сделать жизнь естествоиспытателей радостной духовно и телесно. Увеличившиеся королевские коллекции были упорядочены с особым вниманием на то, что они находятся в королевстве Вюртемберг; они очень богаты как животными, так и растительными окаменелостями, особенно в отношении Древнего мира. Но наряду с этим в самом здании, где секции проводили свои заседания, в прилегающих помещениях были выставлены различные коллекции отдельных естествоиспытателей, от которых также последовали сообщения в свободной форме.

Очень приятный праздник пробы вина был предложен нам в близлежащем винограднике, где мы также познакомились со всеми видами женских нарядов королевства Вюртемберг на прелестных фигурах женщин и девиц.

Король⁸ позволил нам организовать праздник в Хоэнхайме, где находится Экономическая академия; благодаря этой возможности мы смогли осмотреть королевских лошадей, особенно арабского происхождения, а также стада быков и

Король Вильгельм I Вюртембергский

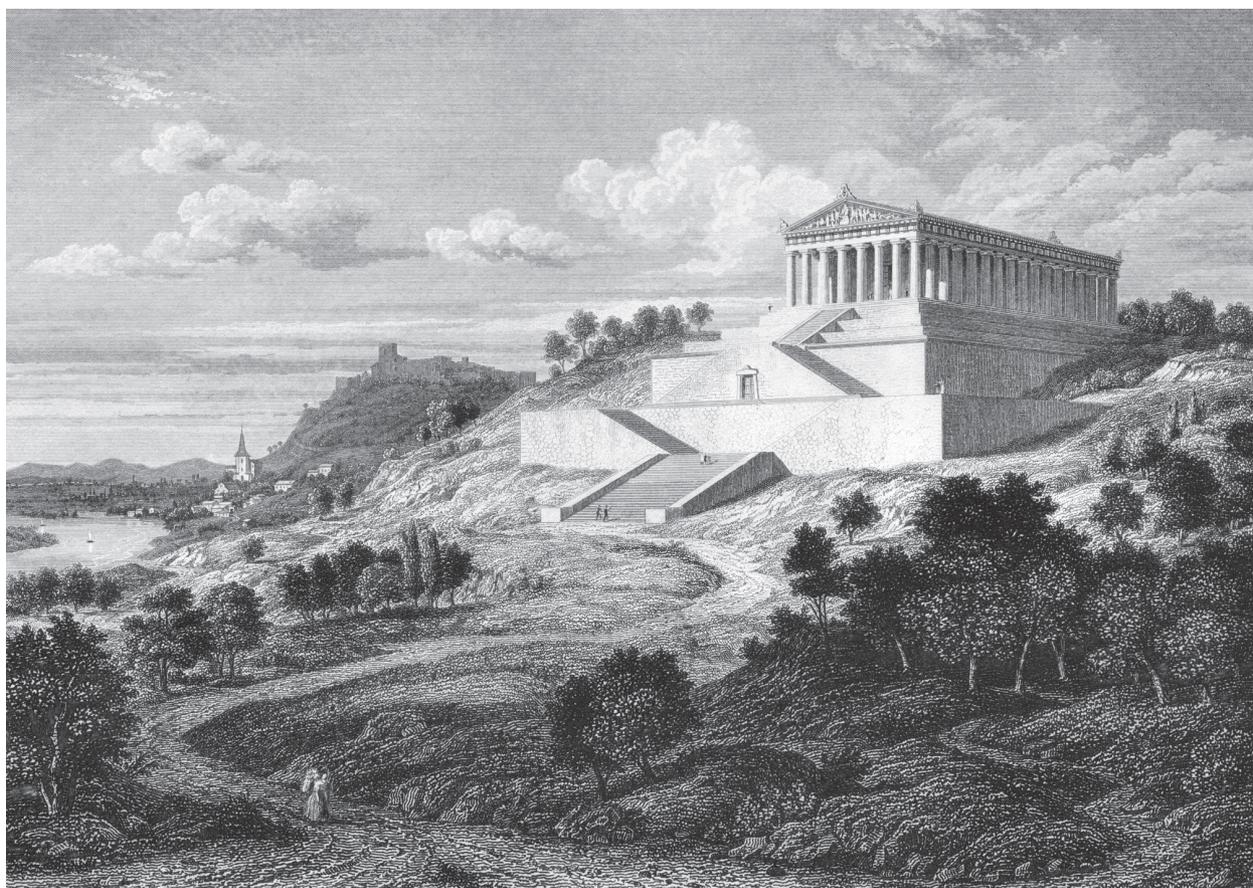
овец различных пород. В дружественной местности и при прекрасной погоде эта поездка была очень приятной. В самом Хоэнхайме есть все необходимое, чтобы воспитывать грамотных хозяйственников.

Секции работали прилежно; в ботанической и геогностической секциях, где я был избран председателем, я прочел небольшие лекции. Скорпиона, которого я нашел возле моих окаменевших деревьев, я передал зоологической секции для подробного изучения. Для этой цели она назначила четырех членов, и приговор был вынесен такой: это вид скорпиона, который невозможно определить более точно, поскольку нельзя различить глаз, но который, без сомнения, образует новый вид.

В последний день мы были приглашены к обеду в королевский замок Розенштайн: король появился до его начала и позволил представить ему всех членов по секциям.

Я остался на несколько дней дольше, чтобы посетить моих старых регенсбургских знакомых,

⁸ Вильгельм I (1781–1864) – король Вюртемберга с 1816 по 1864 годы (Ред.).

«Вальхалла» – зал славы выдающихся исторических личностей, принадлежащих германской нации, 1840 г.

г-жу фон Берольдинген и г-жу фон Зекендорф, а также дожидаться народного праздника в Каннштадте, где вручали премии скотоводам. Выставленные в широкой луговой долине сельскохозяйственные трофеи, множество оживленных людей, собравшихся в ней, создавали приятный вид. Лошади и рогатый скот заслужили всецкие похвалы, ни с чем не сравнится овцеводство; прекраснейшим стадом владеет король на горе Ахальм у Ройтлингена, родом оно из Ломы в Саксонии.

Наконец я пустился в обратный путь, осмотрел обширную коллекцию окаменелостей в Гайслингене, задержался еще на один день в Донцдорфе и поехал оттуда через Альпы в Вассеральфинген, чтобы осмотреть тамошние доменные печи, которые поддувают горячим воздухом – прекрасная мануфактура, которая производит из двух печей еженедельно 800 центнеров литых железных изделий; также я посетил железорудные шахты в лейасских отложениях, в которых часто находят зубы рыб, заключенные в шаровидные образования.

Оттуда я поехал через Аугсбург в Мюнхен, где ни разу не был с 1827 года. То, что измени-

лось в Мюнхене за шесть лет единственно благодаря воле и упорству короля, как поднялась архитектура и были собраны вместе все изящные искусства, заслуживает внимательного рассмотрения. До сих пор наша эпоха была в этих предметах не особенно продуктивной, но здесь видно, что гений искусства нуждается лишь в возвышенном меценате, чтобы пробудиться от сна. Но не менее примечательно то, как гений короля, благодаря которому появились эти создания, пришел к этим различным распоряжениям, из которых каждое охватывает определенный цикл.

Одаренный от природы, знакомый с древней историей Германии, благосклонный к новой, король Людвиг возмужал в германскую эпоху. Его первой замечательной идеей, которую он выносил, еще будучи кронпринцем, была «Вальхалла», которую он теперь повелевает исполнить. Замечательные средневековые сооружения XI–XVI столетий, их церкви и соборы наложили на него глубокий отпечаток. Через чтение греческих классиков, благодаря неоднократным поездкам в Италию он познал смысл искусства греков, то, сколь много от него перешло к римлянам, и познакомился со многими молодыми художниками.

И уже тогда он начал собирать старинные произведения искусства, которые позднее навели его на мысль о глиптотеке. В нем самом проснулся поэтический дух, который приблизил его к старым и новым поэтам. Его живой нрав, его восприимчивый дух впитал эти впечатления не по отдельности, как исторические воспоминания; их родственная направленность постепенно сплавилась в собственный вкус, который лег в основу величественного господства эпохи немецкого искусства; и при упорной настойчивости все казалось по плечу. При этом с художественными работами в Германию был передан и смысл греческого искусства и вместе со всем упорядочен в исторический цикл, были привлечены художники, образовалась новая школа искусств, и если Небо подарит королю еще годы жизни, то последующий мир удивится, что смогло произвести влияние одного единственного гениально одаренного короля.

Из Мюнхена я направился в сторону Айхштетта, чье интересное геогностическое строение привлечет каждого естествоиспытателя, а оттуда в Нюрнберг, которого я не видел в течение многих лет. Хотя все мне было знакомо, но я все же снова радовался совершенно замечательным зданиям церкви и древностям. Картины, собранные в часовне Морица, так же как и те, что находятся в старом замке, содержат кое-какие экземпляры значительной художественной ценности из эпохи Альбрехта Дюрера. Памятник ему еще не поставлен.

Из Нюрнберга я поехал через Эрланген, где осмотрел университетские коллекции и ботанический сад, в Бамберг к моему старому другу архиепископу барону фон Фраунбергу, где я снова возрадовался воспоминаниям из прошлого. Здесь я снова оказался среди формации кейперского песчаника и смог продолжить мои исследования древних растений. В Музее общественных коллекций бамбергские естествоиспытатели предоставили комнату для этой коллекции, а д-р Кирхнер, который нашел большую ее часть, владеет еще собственным домашним собранием; обе коллекции содержат много нового и интересного, что, конечно, заслуживает введения в науку. Пока этого не произошло, замкнутые в шкафы дары природы как бы отсутствуют вовсе, и многое в этом же роде навсегда потеряно для науки.

Более благоприятная для путешественников, чем для сельских хозяев, постоянная погода в середине октября, наконец, сменилась сильным ненастьем с бурей. Пара экскурсий, на которые я еще осмелился, оказались трудными и малопривлекательными.

Я отправился в обратный путь, но не смог все же избежать посещения Рабенштайнской пещеры, открытой два года назад; и небо даровало мне этот последний день без дождя. Эта пещера, с естественноисторической точки зрения, пожалуй, одна из самых интересных. Она принадлежит к горному хребту Франконская Юра, который снабдил пол-Европы медвежьими головами; но столь разнообразными, как тут, ископаемые звери являются редко. Недалеко от входа можно очутиться в наклоненном вниз помещении размером со столовую. Внушительные рога северного оленя поднимаются из скопления сталагмитов в центре зала; поблизости гигантский таз мамонта и глубже в стороне три застывшие окалившиеся медвежьи головы; челюсти львов, гиен и бесконечные кости еще находятся в пещере, чье сталагмитовое основание нигде не пробито насквозь. Кроме того, множество ящиков доставлены в замок, где его владелец граф Шёнборн думает выставить их в следующем году в подготовленном для этого зале.

Дождь и буря застали меня до того, как я достиг Байройта. В этом городе обе коллекции, та, которую президент барон Аретин позволил выставить, и другая графа Мюнстера, особенно удивительны; в обеих были извлеченные из раковинного известняка ранее совершенно неизвестные животные из семейства ящеров, черепах, рыб и растений из лейасового известняка. В течение двух дней я копался в них, причем ко мне относились с величайшей предупредительностью. И вот наступило время вернуться на родину; снег уже покрыл горы Фихтельгебирге.

В Эгере мне пришлось, несмотря на бурю, сделать записи о горных разработках (на холме Каммербюль): они удалась не совсем так, как хотелось; неожиданно на десятой сажени, не дойдя до твердой породы, произошло затопление, с которым не удалось справиться. Работа была приостановлена, но не прекращена; весной мы посмотрим, что с этим можно поделаться.

Возвратившись к своим пенатам, я придался обычному образу жизни. Как только материалы, которые я с собой привез, были просмотрены и упорядочены, я приступил к моей истории шахт с твердым намерением не покидать страну раньше, чем я проработаю первую часть. Канун нового года застиг меня еще за этой работой, не колебав моего намерения.

(Продолжение следует)